

Кого не захотел «вставить в книжку» Маяковский?

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

Автор статьи на многочисленных примерах показывает, что существуют такие проявления действительности, для которых в русском языке нет необходимых слов или фразеологизмов.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, обращение, пустоты в языке, именование действительности, обозначение явления.

«Что такое хорошо и что такое плохо» В. Маяковского – одна из тех книг для детей, которая не стареет. Ее знают даже современные дети. Как известно, в книге разъясняется, какие поступки и какие характеристики человека следует считать хорошими, а какие – плохими: «Этот в грязь залез и рад, что грязна рубаха. Про такого говорят: Он плохой. Неряха». Или: «От вороны карапуз убежал, заохав. Этот мальчик просто трус. Это очень плохо». И далее: «Этот, хоть и сам с вершок, спорит с грозной птицей. Храбрый мальчик – хорошо! В жизни пригодится». Текст для детей В.В. Маяковского любим и издателями. Обычно каждая ситуация сопровождается в книге и соответствующей картинкой. Она КАК БЫ семантизирует соответствующую характеристику, выраженную словом. *Неряха* – рядом с мальчиком в грязной одежде, лезущим в лужу. *Трус* – рядом с мальчиком, убегающим от безобидной вороны...

Однако в тексте поэта есть один пассаж, где автор не дает издателю возможности использовать картинку-семантизацию, так хорошо работающую в других случаях. Речь идет о следующем фрагменте: «Если бьет дрянной драчун слабого мальчишку, я такого не могу даже вставить в книжку». Обычно в изданиях это четверостишие сопровождается пустой страницей, подчеркивающей значимость отсутствия.

Посмотрим на этот прием с другой стороны. Каким словом или устойчивым словосочетанием можно по-русски обозначить *дрянного драчуна* и то его действие, о котором говорит В.В. Маяковский? Просто *драчун* обозначает «любитель (по)даться». Близкое к этому значению имеют такие, например, русские слова, как *забияка*, *задира*, т.е. «любитель устроить (начать) драку или конфликт (ссору)» с не слишком осудительным отношением к такому персонажу (ср. *склочник*, *бузотер*). Сюда же и слово *бретер*, обозначающее «любителя именно дуэлей», устаревшее по причине выхода дуэлей в прямом значении этого слова из российской жизни.

Комплекс смыслов, на самом деле представленных в поведении *дрянного драчуна* состоит в следующем: «X находит удовольствие в том, чтобы доставлять физические (и иные?) страдания тому, кто слабее его, что, следовательно, гарантирует самому X-у безопасность». Последний момент особенно важен, поскольку без него можно было бы предложить не только *драчуна*, *забияку*, *задиру*, но также *агрессора* или *захватчика*. Не подойдут по той же причине для обозначения названного комплекса смыслов *издеваться*, *унижать*, *помыкать*, просторечное *гнобить*. Добавлю также, что у всех этих глаголов нет дериватов, обозначающих производителя соответствующего действия. Именно уверенность *дрянного драчуна* в своей безнаказанности дает волю его низменному желанию «делать плохо другому», таким образом демонстрируя свое превосходство. И, как кажется, для обозначения всего этого комплекса смыслов в русском языке вообще нет точного и устойчивого (в виде слова или фразеологизма) обозначения.

А между тем, само это проявление весьма часто встречается в жизни. Именно оно лежит в основе значения, увы, довольно широко употребляющегося (отражая соответствующую реальность) слова *дедовщина*. Или в разнообразных рассказах о насилии в семье, некрасовской строке «будет бить тебя муж-привередник», в «мудрости» *бьет – значит любит*. Напомню также заключительный пассаж из «Певцов» И.С. Тургенева, где описана безуспешная попытка докричаться до некоего Антропки, которого «тятинька высечь хочет».

Добавлю, что в разнообразных наставлениях, ориентирующих на достойное поведение, обычно содержится требование не обижать слабых и младших. Ср. у С.А. Есенина: «И зверьё, как наших братьев меньших, никогда не бил по голове». Значит, видимо, были такие, кто все-таки бил? И, видимо, таких было не так уж мало. Как же назвать их и проявляемое ими в этих случаях качество?

Для людей, искренне и глубоко любящих русский язык, осознание того, что есть такие проявления действительности, для которых в русском языке нет необходимых слов или фразеологизмов, звучит не только непривычно, но даже как-то обидно. Мы привыкли жить с гордостью за наш великий и могучий русский язык, не допуская и мысли, что в нем есть какие-либо несовершенства, возможности для улучшения, проблемы, кроме той «как правильно?».

Напомню об одном широко известном обстоятельстве, когда русский язык не дает требуемого от него реальной жизнью обозначения. Речь идет о форме обращения к незнакомому человеку. Отмечая это явление на фоне *сэр* и *мадам*, *пан* и *пани* в других языках, В.А. Солоухин еще в середине прошлого века предложил употреблять, обращаясь к незнакомым, *сударь* и *сударыня*. Однако это предложение не получило поддержки ни со стороны специалистов, ни со стороны ши-

рокой общественности. И мы по-прежнему, отказавшись от партийно-советского *товарищ* (без характеристики по полу), от официального *гражданин – гражданка*, вынуждены выбирать от *Эй!* до *Мужчина!* – *Женщина!* или *Молодой человек!* – *Девушка!* Или пытаться смягчать неуважительность по отношению к незнакомому адресату речи различными добавками типа *Простите*, *Извините за беспокойство*, *Будьте любезны!* и т.п.

На самом же деле существование среди единиц любого языка тех или иных «дырок» – дело, по крайней мере, теоретически абсолютно естественное. Сетка языковых значений принципиально устроена вовсе не так, как числовая ось в математике. Последняя не предполагает никаких пустот, и в какую бы точку такой оси мы ни попали, эта точка не будет пустой. Так же как никакая точка не будет иметь двух (или более) разных обозначений. Отсюда в математике не только всем понятные целые числа и дроби, но и бесконечные дроби и даже иррациональные и комплексные числа.

В языке все не так. В членении действительности, которое производит любой язык, нередко реализуется принцип «где густо – где пусто». Иными словами, для обозначения одного и того же может существовать не одна-единственная возможность, но несколько: *громадный – огромный*, *референдум – плебисцит*, *езде – всюду* и т.п. О таких соотношениях говорят, что это АБСОЛЮТНЫЕ синонимы, и, строго говоря, наличие таких дублеров в языке – явное излишество. Абсолютно синонимичными могут быть и фразеологизмы: *как попу гармонь (рыбке зонтик, собаке пятая нога, козе баян* и мн. др.).

В языковой системе есть излишества, значит, следует предполагать и пропуски. Говорящие по-русски не раз сталкивались с подобными явлениями в связи с историческим взглядом на язык, отмечая, как появление новых феноменов в жизни влекло за собой и появление новых слов (*суши*, *гаджет*, *диджей* и т.п.). А утрата соответствующих феноменов в жизни требовала сдать в архив и соответствующие слова (*конка*, *галюши*, *примус* и т.д.). Однако в стихах В.В. Маяковского речь идет о том, что было, есть и, увы, видимо, будет. Ведь, как отмечал, в частности, Д.С. Лихачев, для человека просто не существует некоторого явления до тех пор, пока для этого явления не будет найдено название. Причем такое, которое отделит его от других похожих явлений.

Дело в том, что русская культурная традиция в именовании действительности идет обычно от слова, а не от действительности. Сталкиваясь с неназванными явлениями, мы подгоняем их под уже имеющиеся слова. Не используем путь от явления – к слову, пытаемся найти для безымянного собственное обозначение, но оказываемся во власти языка, услужливо подсказывающего нам уже известное слово. Пусть и не позволяющее различать лишь чем-то похожие, но не одинаковые явления.

Именно движение от явления – к слову позволило А.И. Солженицыну придумать (и ввести в обиход!) слово *образованщина*. В самом деле, весьма многочисленная группа людей, закончивших советские вузы и получивших дипломы о высшем образовании, реализовала вследствие этого обстоятельства возможность занимать должности, не связанные с физическим трудом, но позволяющие руководить, направлять, командовать и т.п. При этом соответствующую группу людей нельзя было назвать ни *интеллигентами* по причине весьма низких моральных качеств, ни *образованными* – по причине крайней ограниченности их представлений о жизни, ее ценностях, а главное, без понимания иерархии этих ценностей. Или с такой, например, иерархией, где самое важное – это «план любой ценой». Дав этой группе лиц именование, А.И. Солженицын оказал большую услугу всем говорящим по-русски, которые получили возможность четко представить соответствующий феномен, а следовательно, и уточнили таким образом свое представление о мире.

Впрочем, *образованщина* А.И. Солженицына далеко не единственный пример того, как выдающиеся деятели русской культуры придумывали совершенно новые слова для того, что без таких слов оставалось неосознанным, хотя и реально существующим. Карл Брюллов, например, придумал слово *отсебятина* для обозначения того, что не является отражением реальности, но, маскируясь под нее, представляет собой плод не слишком удачного воображения художника или рассказчика. Игорь Северянин обогатил нас словом *бездарь*, без которого лишенные «искры божьей» и случайные в творческих сферах люди могли лишь мягко характеризоваться с помощью фразеологизмов типа *звезд с неба не хватает* или *пороху не выдумает*. Еще раз подчеркну, что речь идет вовсе не о тех случаях, когда новая вещь непременно требовала для себя и нового слова. Но о тех старых или только возникших явлениях (т.е. не просто бытовых предметов!), которые без нахождения обозначающих их слов оставались бы неосознанными, непонятными, т.е. КАК БЫ несуществующими. Не существующими не в реальной действительности, но именно в сознании людей, не имеющих необходимых слов.

Попытавшись взглянуть на современную действительность не через призму уже имеющихся в русском языке слов и фразеологизмов, но непредвзято, мы найдем в этой действительности немало безымянных феноменов, требующих, однако, не многословных описаний, что, разумеется, всегда возможно, но обозначений точных и кратких. Например, как на фоне слов *двоечник*, *троечник*, *отличник* и даже *хорошист* или *ботаник* и т.п. назвать тех школьников или студентов, которые исключительно ревностно относятся только к получаемым ими отметкам? Всеми дозволенными и недозволенными способами требуя, чтобы эти отметки были самыми высокими. *Чинодрал* не предлагать, поскольку это слово

не относится к учащимся. *Формалист* тоже не годится, так как его значение слишком широко.

На фоне *Полтавской битвы, Отечественной войны 1812 года, Курской дуги* и иных именованных важных событий истории нашей страны хочу спросить, какое событие мы отмечаем 19 – 21 августа. Неужели годовщину путча? Очевидно, что считать историческим событием провалившуюся попытку государственного переворота довольно бессмысленно. Такая попытка из-за своего провала и называется *путч*. Вспомним строки С.Я. Маршака: «Мятеж (путч. – *И.М.*) не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Так что же произошло 19 – 21 августа 1991 г., когда страна отказалась от коммунистической идеологии и планового ведения хозяйства? Уже более 20 лет это важнейшее историческое изменение в политике страны остается безымянным. Если, конечно, не называть эти изменения словом *путч* или словосочетанием *провал путча*.

Сравнительно недавно появилось в речевом обиходе словосочетание *офисный планктон*. Именно так, не очень комплиментарно, называют многочисленную группу рядовых сотрудников в системе управления солидными организациями и фирмами: секретарей, референтов, помощников и многих других. Без этого словосочетания трудно было бы отделить этих сотрудников от тех их коллег, которые на своем уровне принимают принципиальные решения, а не просто технически помогают в процессе выработки таких решений, обеспечивая своих начальников чаем или бумагой, выполняя функции курьеров или отвечая на телефонные звонки. Нужное обозначение!

Короче, сладостный языковой плен, проявляющийся в наивной уверенности, будто для всего в жизни уже найдены необходимые именованья, не ведет к новым открытиям. Это особенно хорошо знают настоящие ученые. Выдающийся биолог, академик Владимир Петрович Скучаев, говорит о том, что, обнаружив какое-то новое явление, процесс или закономерность, ученый непременно должен дать своему открытию именованье. Не об отсутствии ли необходимых именованья говорится и в строках В.В. Маяковского: «Улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать?»

Разумеется, В.В. Маяковский не мог знать о достижениях современной семиотики, о возможности разложения значения слов на элементарные компоненты, «примитивы», о противопоставлении слов, значение которых может визуализироваться (*стол, змея, синий* и т.п.), словам, таким свойством не обладающим (*совесть, правда, умный* и т.п.). Но поэт интуитивно чувствовал нечто подобное и практически реализовал это в своем творчестве. Интуиция гениального художника часто намного опережает строгие выводы науки, просто указывая ей плодотворные направления для исследований.